

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Кирилла Александровича Кожанова
на тему
«Балто-славянские ареальные контакты в области глагольной префиксации»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

К. А. Кожанов представил на суд диссертационного совета и оппонентов обширное исследование глагольной префиксации в литовском языке, существенно превосходящее по объёму требования, предъявляемые к квалификационным работам подобного рода. Анализируемая в диссертации проблематика настолько разностороння и обладает таким количеством связей с самыми разнообразными аспектами не только ареальной, но и общей лингвистики, а также частного литовского (и славянского) языкознания — от истории языка и диалектологии до культуры речи, — что даже удивительно, почему этот благодарный материал до сих пор не был предметом специального монографического исследования, актуальность которого не вызывает ни малейших сомнений. Наконец такой труд — более 23 авторских листов — написан.

Работа производит приятное впечатление ясностью композиции и вообще классическим исполнением: за содержательным введением, дающим необходимую информацию о теме, задачах, материале исследования, а также его структуре, следуют четыре главы основной части, **заключение**, представляющее основные выводы, и аппарат, в том числе **библиография**, содержащая 330 позиций на исследуемых балтийских и славянских, а также основных европейских языках. Первая глава посвящена обзору теоретических проблем и истории исследования языковых контактов в целом и применительно к теме работы: балто-славянское ареальное взаимодействие в его истории и современном состоянии, приставочные глаголы в контактирующих языках (с опорой на ситуацию в идише и цыганском), способы описания значений приставок. Каждая из следующих трёх глав представляет подробный анализ приставочных глаголов с последовательным рассмотрением сначала системы литовского литературного языка, затем его диалектов (особенное внимание уделяется территории наибольшего влияния славянских языков) и наконец современного разговорного языка и жаргона. Хочется отметить методичность сбора обширного и разнообразного языкового материала, обеспечивающую его представительность. Изложение иллюстрируется схемами, таблицами и картами. В целом, аргументация убедительна, представлен ряд интересных наблюдений, трезвых оценок.

Несмотря на то, что всё исследование проникнуто вниманием к вопросам балто-славянских контактов, акценты в названии диссертации, возможно, следовало бы поменять местами, на первое место поставив описание пристав-

вочных глаголов, а самим контактам отведя роль фона. Строго говоря, и способ выявления контактного влияния, обозначенный в самом начале работы («Для выявления контактного влияния сравниваются инвентари славянских и балтийских приставок, их структурные и семантические характеристики», с. 6) является косвенным, ведь подобное сравнение вполне уместно в сопоставительных исследованиях и не контактирующих языков. На самом же деле в диссертации действительно изучается ареальное взаимодействие балтийских и славянских языков.

Чтение первой главы не оставляет сомнений, что К. А. Кожанов в курсе современного научного контекста, умеет лаконично охарактеризовать смежные проблемы и чётко очертить свою область.

В описании семантики приставок автор следует подходу, предложеному М. А. Кронгаузом в книге 1998 года. К сожалению, в диссертации отсутствует сколько-нибудь подробный теоретический анализ этого подхода, характеризуемого К. А. Кожановым лишь в одном коротком абзаце (с. 13). В некоторой степени такой анализ заменяет сама представленная автором обширная характеристика литовских приставок (с. 76–263), однако полностью сомнения в его абсолютности она не исключает. В частности, если в качестве одного из недостатков традиционного метода определения значения приставки путём сравнения приставочного и бесприставочного глагола (назовём его «дифференциальным») М. А. Кронгауз указывает на некоторую произвольность («Требуемое количество повторов [разницы в семантике приставочного и бесприставочного глагола] — от двух до нескольких десятков — определяется интуицией исследователя или задачами исследования» (1998: 106)), то в предлагаемом подходе («интегральном») существует риск неограниченного дробления рядов семантически похожих приставочных глаголов. Выделение в диссертации слишком конкретных значений приставок не представляется целесообразным: например, если сама приставка значит «пригорание» (приставка *pri-*, с. 221) или «оплодотворение» (приставка *ap-*, с. 107), то зачем соответствующим глаголам нужны корни со значением ‘гортеть’ (*degti, skrebtī, skrustī, šustī; degintī, svilintī*) или ‘оплодотворять’ (*dulkintī, sēklintī, vaisintī*)? Вряд ли основное лексическое значение содержится в приставке, а корни лишь модифицируют (дифференциируют) его... В авторефере К. А. Кожанов пишет, что «анализ ряда глаголов, с которыми приставка сочетается в схожем значении, позволяет отделить значение приставки от значения глагола» (с. 5), однако эта процедура остаётся не раскрыта в достаточной мере. Вероятно, адекватное решение должно совмещать результаты «дифференциального» и «интегрального» анализа.

В общетеоретическом плане мне не всё ясно в рассуждении о соотношении лексического и грамматического в заимствовании (раздел 1.3.2). Представляется, что автор несколько переоценивает критерий системности в решении этого вопроса. Указываемые признаки «системности заимствования морфемы» (с. 55) не вызывают возражений, но является ли любая отвечающая этим признакам заимствованная морфема грамматическим явлением? Автор утверждает, что «к заимствованиям модели на уровне грамматики»

относится «в первую очередь заимствование значения морфемы» (там же) и в качестве примера ссылается на развитие аспектуальных значений у определённых приставок в идише. С этим опять же нельзя не согласиться, но будет ли считаться грамматическим явлением заимствование (чисто теоретическое) значения упомянутой приставки *pri-* — «пригорание»? Или более обобщённо: может ли быть грамматическим явлением заимствование лексического значения приставки?

Прочие замечания носят частный характер и связаны в основном с вопросами анализа конкретных примеров.

Оценивая морфологический статус приставки К. А. Кожанов обращает внимание на акцентуацию («на то, что следующий первым от корня приставочный элемент является именно приставкой, а не частью корня, указывает перенос ударения», с. 342) и положение возвратной морфемы. Применение акцентуационного критерия к заимствованным приставкам («В литовском языке элементы *re-*, *de-/dez-*, *dis-*, *ko-* логичнее считать частью корня, так как, в отличие от приставок, они никогда не бывают ударными», с. 27), однако, неуместно, поскольку эти элементы встречаются лишь в составе так называемых вторичных глаголов, то есть в суффиксальных формах, а суффиксальные формы не могут иметь ударения на приставке. В связи с таким тестом на акцентуацию интересен пример 426: *pa-pa-mir'-i* ‘поумирали’ (с. 344), который, вопреки ожиданиям сохраняя ударение на корне, не снабжён никаким комментарием.

Что касается положения возвратной морфемы, не стану умалчивать, что «по всей видимости, не отмеченная ранее особенность поведения возвратного показателя» (с. 48) в глаголах с двумя префиксами (типа *iš-si-par-duoti*) была отмечена в моей статье 1995 г. (с. 95, сноска 4), на которую автор ссылается в диссертации в связи с правилами акцентуации приставочных глаголов. Ничего удивительного, видимо, нет поэтому в рассматриваемых К. А. Кожановым глаголах *až-si-pra-dēti* и *už-si-pra-dēti*, зафиксированных в словаре говора Зиетелы (Дятлово), у которых в настоящем времени ударение переходит на приставку (*až-si-prà-dema*, *už-si-prà-dema* (Vidugiris 1998: 142, 145)). Вывод, делаемый автором («фонетически *pra-* ведёт себя как приставка, а морфологически — как часть корня», с. 347, сноска), отражает обычное поведение возвратной морфемы в литовском языке. Отметим, что множественная префиксация встречается и в латгальском, имеющем до сих пор не описанные колебания в отношении положения возвратной морфемы: *ī-sa-pa-tyka* vs. *ī-pa-sa-tyka* ‘понравился-3PST’.

Литовской приставке *par-* автор безоговорочно отказывает в наличии этимологических соответствий в славянских языках (это утверждение неоднократно повторяется в работе, см. с. 28, 30, 76, 146, 150 и др.), однако в этимологической литературе она нередко рассматривается как аблautный вариант приставки *per-* (см., например, этимологический словарь прусского языка В. Мажюлиса, s. v. *per*). История взаимоотношений приставок *par-* и *per-* (их смешение в литовских диалектах, судьба в прусском и латышском) весь-

ма интересна и может стать предметом самостоятельного исследования. (В частности напомним о соответствующей литовской разнице приставок *pardúoti* ‘продать’ и *pérduoti* ‘передать’ латышскую разницу слоговых акцентов *pārdūot* и *pārduot*.)

Перевод предложения 209 (с. 189) не представляется верным: *praskalbiau paklodžių* значит не ‘настирал простыней’, а ‘простируя простыни’ (на скорую руку, некоторое количество). Этот и некоторые другие приставочные глаголы из рассматриваемого здесь семантического ряда («2.5.16. Обработка небольшого количества») скорее относятся (или в одном из значений могут относиться) к следующему ряду («2.5.17. Аттенуатив»), напр., *prapjauti*, *pravirti*. В свою очередь, неясно, почему *prakasti* включено только в ряд 2.5.16, но не в ряд «2.5.4. Возникновение отверстия в объекте», содержащий глагол *prakandžioti*, толкуемый в словаре как итератив от *prakasti* (DLKŽ, s. v.).

Выделение у приставки *da-* значения «3.6.1.9. Дополнительное действие» основано на единичном¹ и не вполне ясном примере *Duokit dašert karvukėm pašaro*, который допускает различные интерпретации (о неединственности своей упоминает и сам диссертант; его перевод «Дайте коровам ещё корма», с. 301), в частности и имеющие аналоги в славянских языках: не только «Дайте корма (, чтобы) докормить коровкам», но и «Позвольте докормить коровкам корм».

Отмечу, что такие случаи указывают на недостаточность, неясность толкования подобных примеров в словарях литовского языка и выявлением этой проблемы мы благодарны диссертанту.

Пример 479 *aš atnešiau tave namo* ‘я принёс тебя домой’ (с. 373–374), заимствованный у Й. Яблонского, возможно, не является однозначно «неправильным»: по крайней мере часть моих информантов из числа носителей литовского языка показала, что выбор приставки *at-nešiau* vs. *par-nešiau* может быть связан с перемещением в дом, принадлежащий субъекту либо объекту.

Диссертация К. А. Кожанова представляет богатый материал для подобных размышлений, что является несомненной положительной чертой, открывающей новые перспективы развития науки.

К ещё более частным замечаниям относятся следующие.

Не вполне точным является описание одного из значений приставки *ap-* как «движение мимо ориентира» (*apėjome minę* ‘обошли толпу’, с. 80) — скорее здесь следовало бы говорить о движении в обход ориентира в отличие от собственно движения мимо, выражаемого приставкой *pra-* (*pravažiavo rūsi* ‘проехал подвал’, с. 178). Попутно отметим, что в формулировке значений приставок непоследовательно чередуются понятия «движение» (с. 80: «2.1.2. Движение мимо ориентира») и «перемещение» (с. 178: «2.5.2. Перемещение мимо ориентира»)

Не уверен в адекватности предлагаемого описания семантики приставочного глагола *užgraužti* ‘загрызть’ (в переносном смысле: «Загрызут её там

¹ Второй глагол — *dažibinti* ‘ещё посветить’ — не имеет примера употребления и ещё менее ясен.

те завистницы»), взятого в качестве основной иллюстрации ряда «2.7.17. Утомление»: «Х вынуждает Y слишком долго совершать V, в результате чего Y устает» (с. 240–241).

На с. 51 имеется неаккуратное обобщение, что во всех славянских языках «возвратный показатель всегда занимает финальную позицию», ведь во входящем в непосредственный материал работы польском он функционирует и как свободное служебное слово.

Вторая глава заканчивается вполне ожидаемым наблюдением, что данные литовского языка никогда не демонстрируют общности одновременно с польским и русским при исключении белорусского (с. 263). Думается, что это объясняется не столько «историей региона и его ареальными особенностями», сколько генетической классификацией славянских языков.

Автор отмечает, что в анализируемых славянских языках перед корнем возможно не более трёх словообразовательных приставок (с. 50), но сконструировать четыре не трудно, ср. *до-пере-по-про-глатывал* (вполне допустимая модификация примера *пере-по-про-глатывал* из мультфильма «Машины сказки»). В целом же описание проблемы множественной префиксации является одним из наиболее интересных разделов диссертации.

Крайне неудачно выбран пример фонетической интеграции славянских заимствований, призванный иллюстрировать разную судьбу этимологически различных гласных (с. 268–269): в слове *говеть* звук *e* происходит не «из обычного [e]», а из *ъ*, к тому же это балто-славянский суффикс глагольной основы, поэтому литовское диалектное *gavet*, строго говоря, не может служить примером фонетической адаптации при заимствовании.

Среди совсем мелких недочётов отметим диалектную латг. форму императива *verities* вместо литературной *veritēs* (с. 26), неудачное глоссирование лексемы *gerok-ai* «хорошенький-ADV» (с. 97; ср. вариант без сегментации и с толкованием «хорошенько» на с. 89), опечатку в приставке латышского глагола: *nu-dot* вместо *no-dot* (с. 267). В соответствии с нормами литовской культуры речи зарядное устройство следует назвать *pakroviklis*, а не *ra-krovējas* (с. 372), так как суффикс *-ēj-* образует названия лиц. Ссылка на работу Я. Эндзелина «Латышские предлоги» для подтверждения тезиса о том, что «в литературном литовском языке в одной глагольной словоформе может быть употреблён только один словообразовательный префикс [Эндзелин 1971/1906: 541]» (с. 341) настораживает, и не зря: в указанном месте Я. Эндзелин не только не говорит о литовском литературном языке, но напротив отмечает, что «в литовском изредка встречаются глаголы с 2 префиксами».

Диссертация написана ясным научным стилем, неудачные формулировки и опечатки редки (напр. «синхронически связь с другим значением трудно установить без привлечения диахронических данных» (с. 14), «под словообразовательными [понимаются] значения, выражаемые морфемами» (с. 30; выпущено «некорневыми») «заимствование морфологии мы считаем грамматическим заимствованием» (с. 54; тавтология?)). Есть пара сбоев при

переводе литовских примеров (с. 169: *mokinys* ‘ученик’ в глоссируется как ‘учитель’; с. 189: три глагола *prablokšti*, *prabraukti* и *pradirbt* недифференцированно переведены одинаково «обработать немного», при этом глагол *prakulti* переведён подобным образом, но несколько иначе: «обработать небольшое количество»; с. 267: *miršta žemėn* дословно значит не «умирает вниз» а «умирает в землю»). В списке литературы встретилось несколько (странных при современных технических средствах) нарушений алфавитного порядка (напр., в латинском ряду первым стоит «S. 1933», хотя «P. S. 1935» стоит на «Р»², «Черепанов» стоит перед «Хауген», «Girčienė» — после «Girdenis»), вышедшие в один год работы одного автора иногда индексируются русскими иногда латинскими буквами (Кожанов 2013а, 2013б, но Лекомцева 1972а, 1972б).

В завершение ещё раз подчеркну, что высказанные замечания носят в основном частный характер и призваны отнюдь не оспорить положения автора, а позволить ему усовершенствовать их при подготовке к возможной публикации работы целиком.

Автореферат написан безукоризненно, основные положения работы умело акцентированы в нём и подкреплены примерами. Публикации по теме диссертации (десять работ) в достаточной мере отражают её содержание.

Диссертация К. А. Кожанова «Балто-славянские ареальные контакты в области глагольной префиксации» полностью соответствует требованиям Постановления Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 «О порядке присуждения учёных степеней», а автор её достоин присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

1.03.2016.

Алексей Викторович Андронов
кандидат филологических наук
доцент Кафедры общего языкознания
Санкт-Петербургского государственного университета
Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034
тел.: (812)3289762, 3289510
эл. почта: baltistica@gmail.com

Подпись А. В. Андронова удостоверяю

Проректор по направлениям
востоковедение, африканистика,
искусства и филология

С. И. Богданов

² Следовало бы расшифровать для читателя инициалы этих известных литуанистов: Antanas Salys и Pranas Skardžius (см. A. Ubeikaitė. Lietuvių kalbotyra 1930–1943: Literatūros rodyklė. Vilnius, 1990. — С. 180).